

18+

Лора Брайд
Ангел Дармунда

Серия Ангел любви

Лора Брайд
Ангел Дармунда

«Издательские решения»

Брайд Л.

Ангел Дармунда / Л. Брайд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-642562-0

В восемь лет девочка Лаки попала в школу магии, в которой ей предстояло учиться четырнадцать лет. И в которой сразу пришлось бороться за место под солнцем, ведь ей с первых минут «поставили» клеймо, назвав незаконнорожденной. Оказавшись на дне она смогла не только выжить, но и защитить себя, и всех отверженных, которых презрительно называли ублюдками. Ангел Дармунда нарушит вековые устои и, установив закон справедливости, заставит всех чтить его.

ISBN 978-5-00-642562-0

© Брайд Л.
© Издательские решения

Содержание

АНГЕЛ ДАРМУНДА	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ангел Дармунда

Лора Брайд

© Лора Брайд, 2026

ISBN 978-5-0064-2562-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АНГЕЛ ДАРМУНДА

Глава 1

Восемь лет назад

Лаки прокралась в изолятор глубокой ночью.

Сиделка Кэтрин Гарвуд сначала и слушать не хотела эту странную девчонку, не то чтобы пропустить к избитому парню, вновь начавшему бредить. Но та обожгла ее суровым взглядом и решительно предупредила:

— Он наш друг, и мы войдем сюда по-любому. Ты не сможешь нас остановить.

Девушка увидела еще двух парнишек, маячивших за деревьями и недовольно поджав губы, все-таки отошла в сторону и милостиво разрешила:

— Хорошо, заходите, но только на минутку. Ему сейчас не до вас.

Но когда она увидела, что девчонка смешала в стакане какие-то сомнительные зелья, принесенные в маленьких пластиковых бутылках, и поднесла его к губам парня, то уже захлебнулась от возмущения и оттолкнула ее руку:

— Не смей ничего давать! Отравишь его, а мне отвечать!

— Ему твои зелья, как мертвому припарки. Не можешь помочь, так хоть не мешай, — со злостью вскинулась девчонка, ответно толкая девушку, и прищунив глаза, пригрозила:

— Лучше уйди, не вынуждай связывать тебя. Нам терять нечего. Мы — ублюдки, и видали таких фиф, как ты, знаешь где?

В подтверждение ее слов мальчишки молча закатали рукава своих рубашек. Увидев на худых руках уродливые, корявые татуировки, Кэтрин занервничала. Ей не хотелось связываться с ублюдками. В Дармунде их не считали за людей, и им, действительно, было нечего терять в этой жизни. А потом она перевела взгляд на парня, закатившего глаза от боли, и отступила в сторону. В конце концов, он был одним из них, и вряд ли они хотят причинить ему вред. Кто знает, вдруг эта непонятная девчонка, в самом деле, сможет ему помочь? Кэтрин не могла спокойно смотреть на чужие страдания, а в ее арсенале были лишь самые простые зелья, не способные унять сильную боль.

Лаки просидела у постели своего друга до утра. Каждые четверть часа она вливала ему в рот целебное зелье, шепча при этом заклинания на незнакомом языке, и прикладывала к ранам лоскуты ткани, пропитанные мазью, напоминавшей смолу дерева.

Незадолго до рассвета Каналье стало легче, боль отступила, и он смог рассказать, что с ним произошло. Никто толком не знал, за что его так жестоко избил главный экзекутор Дармунда — Бирн Макбрайд. Да и никого, кроме друзей это не интересовало. Даже если бы его убили, ну и что? Стало бы на одного ублюдка меньше, и всего-то.

Сначала Каналья пытался утаить истинную причину, по которой Макбрайд озверел до такой степени, что уже не контролировал свою силу. Но отговорки, типа, что он дерзко ответил на замечание, да и «рожей не вышел» не смогли убедить Лаки. Девочка осторожно обхватила изувеченную, с поломанными пальцами руку друга и поднесла к своим губам. Как ни силился Каналья утаить свои мысли, ему это не удалось. Подруга все равно узнала, что он пострадал из-за той странной симпатии, которую начал проявлять к ней член Совета четырех.

До этого момента Лаки не обсуждала с друзьями свои необычные отношения с Макбрайдом, завязавшиеся полгода назад. Она лишь сказала, что господин Бирн начал обучать ее новой дисциплине, правда, не уточнила какой. А еще — что он необыкновенный человек, и очень ей нравится. Да у них тогда и не было никаких вопросов, ведь даже в голову не могло прийти,

что интерес человека, занимавшего столь высокий пост в Дармунде, может иметь сексуальную подоплеку. Но сейчас Каналья прямо спросил, какие отношения связывают ученицу и учителя.

— Макбрайд заставляет тебя спать с ним? — еле слышно прошептал он разбитыми губами, боясь услышать ответ и обреченно понимая, что другого варианта нет.

— Нет, между нами нет ничего такого, — решительно возразила Лаки. — Он не заставляет и не предлагает. Поверь, я сразу чувствую, чего от меня хотят. Ему не нужен секс, по крайней мере, сейчас.

Она огорченно покачала головой и с явным сожалением продолжила:

— Господин Бирн был самым необычным из всех людей, кого я знаю. А оказалось, что и самым худшим.

— Он считает тебя своей и готов убить каждого, посягнувшего на его собственность. И убил бы, если бы мистер Смит не оттащил меня, прикрывая собой. Макбрайд хочет сделать из тебя игрушку, Лаки. Он страшный человек.

— Я никому не позволю сделать из себя игрушку, даже не сомневайся в этом. И Макбрайд не страшный, а очень сильный человек. Привык подчинять всех своей воле. Но я тоже сильная, ничего он мне не сделает. Давай, поспи немного, а вечером мы придем к тебе.

Она заботливо укрыла его тонким одеялом и погладила по голове. И еще не успела отнять руку, как он уже уснул.

Девочка вышла из комнаты и столкнулась в дверях с Кэтрин, тоже всю ночь не сомкнувшей глаз из-за своего пациента. Почему-то он сразу запал ей в душу, несмотря на длинный шрам на левой щеке и обезображенные татуировками руки.

— Он уснул. Через несколько часов ему станет лучше.

— Даже сейчас уже намного лучше, чем ожидалось, — удовлетворенно отметила сиделка, прислушиваясь к спокойному дыханию парня, и виновато произнесла: — Прости, что ругалась с тобой. Я же не знала, что ты реально ему поможешь.

— Ладно, ты тоже не обижайся. Я была на взводе, поэтому и оторвалась на тебе. Спасибо, что позаботилась о нем.

Лаки вышла из изолятора и столкнулась в небольшом дворике с воспитателем десятого мужского курса — Джемом Смитом, державшего в руках пакет с апельсинами.

Молодой мужчина очень удивился, увидев, что Лаки Альварес пришла навестить Дойла. Ведь его наказали за грязные домогательства к ней, о чем Макбрайд, не сдерживаясь, кричал во время экзекуции. До вчерашнего дня Смит почти не знал этого ученика и вмешался лишь по просьбе своих воспитанников, прибежавших к нему за помощью. А вырвав парня из рук разъяренного Бирна, решил разузнать о нем и поговорил с профессором Броуди, очень правдивым и объективным человеком.

Профессор вел занятия на одиннадцатом курсе и хорошо знал всех учеников. Он заверил, что О'Хара никогда не стал бы приставать к малолетней девчонке. Несмотря на нелюдимый нрав и непрезентабельную внешность, у него врожденное чувство благородства, унаследованное от отца, с которым Броуди дружил в юности. А услышав фамилию отца, Смит проникся уже настоящим сочувствием к парню, поэтому и пришел навестить его. Может, и девочка пришла сюда из-за сострадания? Ведь после сцены с Хейли Линч, Джем понял, что справедливость для нее не просто красивое слово.

— Лаки, ты пришла к Дойлу? Ну и как он? — озабоченно спросил воспитатель.

— Сейчас спит, — ответила девочка, настороженно глядя на Смита.

Спасибо ему, конечно, за то, что спас Каналью, но приход на рассвете, да еще с апельсинами явно выходил за рамки обычной вежливости малознакомого человека. Кто знает, что на самом деле ему надо. Хоть вроде он неплохой человек, и помог ей в разборках с Хейли, но разве можно кому-то верить в Дармунде? Она вот слегка расслабилась, начав доверять Бирну, и что из этого вышло? Мисс Адамс сама приставала к Дойлу, а получив отказ, подло оклеве-

тала его перед Макбрайдом. И тот безоговорочно поверил ей, даже ничего не спросив у самой Лаки, которой якобы не дает проходу ублюдок О'Хара. Сразу вынес приговор и привел его в исполнение.

— Тебе нельзя покидать корпус, Лаки. Странно, что охранники тебя пропустили, — проявил профессиональную бдительность Джек и прекрасно понимая, что девочка невиновна в избиении парня, доверительно посоветовал: — Ты лучше не приходи сюда. А о самочувствии О'Хара можешь узнавать у меня.

— Дойл — мой друг, мистер Смит, и я сама буду следить за его самочувствием, — строго отрезала девочка и требовательно спросила: — А почему вы такой добрый? Пришли ни свет, ни заря, апельсинчики принесли. Чего вы от него хотите? Тех же услуг, которые пожелала мисс Адамс?

Смит растерялся. Он хорошо представлял, что могла запросить любвеобильная мисс Адамс у мужчины, но требовать подобное от подростка? Не может быть! И вспыхнул от возмущения, что эта не по возрасту, взрослая девочка уже записала его в ряды извращенцев.

— Мне ничего не надо. Я только хотел, хоть чем-то помочь, ведь он такой же, как я.

Лаки суровым немигающим взглядом смотрела на разволновавшегося воспитателя, и тот понял, что она не верит ни единому его слову. Тогда он поставил пакет с апельсинами на землю и резко закатил рукава поношенного свитера.

Брови девочки взметнулись от удивления. Обе руки воспитателя, от кисти до локтя были изуродованы татуировками. Корявые, пляшущие буквы складывались в ненавистное ей слово «ублюдок».

— Когда вам их сделали? — тихо спросила она.

— В семь лет, — бесцветным голосом ответил Смит, с не прошедшей болью вспоминая день, когда пятнадцатилетние «истинные друиды» издевались над ним.

— А Дойлу в шесть, — еле слышно прошептала Лаки.

— Я знаю, как ему живется со всем этим, — грустно сказал Джек, одергивая рукава. — И впереди не ожидается ничего хорошего. В Школу Друидов его не примут, и в семнадцать лет вытолкнут из Дармунда, предоставив самому заботиться о себе. Приличную работу он не найдет, «доброжелатели» позаботятся об этом. И в личной жизни все будет столь же печально. Хорошие девушки не захотят иметь отношения, а нехорошие будут встречаться тайком по ночам, а днем презрительно отворачиваться, чтобы никто даже не заподозрил их в знакомстве с ним. У него никогда не будет детей, а если какая-нибудь опустившаяся женщина и родит от него ребенка, то этот ребенок станет еще более отвергнутым, чем отец.

Смит смутился от того, что обнажает перед девочкой свои личные переживания и неловко закончил:

— Помочь Дойлу я не могу, а порадовать, хотя бы апельсинами, в моих силах.

— Вы уже помогли, приняв на себя жестокие удары Макбрайда.

— Это все, что я смог сделать. Господин Бирн отказался говорить со мной. Лишь пригрозил вышвырнуть из Дармунда, если я такой неблагодарный и забыл по чьей милости здесь работаю.

— А за что тут благодарить? — искренне возмутилась Лаки. — Платят меньше, чем преподавателю, а ругают все, кому не лень. Даже какая-то вонючка Хейли кричала на вас, а мадам Адамс вела себя, как последняя стерва.

— Ничего с этим не поделаешь, — вздохнул Смит. — Я стал воспитателем, чтобы хоть как-то облегчить жизнь таким детям, как Дойл. Но, к сожалению, здесь всем заправляют «уважаемые» люди, вроде декана Коллинза, который постоянно подчеркивает, что своим оранжевым капюшоном я недостоин даже вытирать сопли малолетним уродам.

— Он хоть и декан, а ничего не знает. Только благодаря вам, мои друзья сдали экзамены по его дисциплинам. И мисс Уиллис вы нравитесь. Я же вижу, как она улыбается вам, и как досадливо морщится, когда Коллинз начинает отпускать ей сомнительные комплименты.

— Если мисс Уиллис увидит мои руки, то не захочет даже здороваться со мной. Такое клеймо отпугнет любую девушку.

— Мисс Уиллис не любая девушка, — упрямо возразила девочка. — Но вам, конечно, лучше избавиться от этих наколов.

— Я уже не раз пытался их вытравить, но ничего не получилось. Остается лишь выжечь огнем, только боюсь, шрамы будут слишком глубокими, и ограничат движение рук.

— Надо поискать другой выход. Я обязательно его найду.

После разговора с воспитателем Лаки перестала ходить на занятия. Все ее время было заполнено учебой, а теперь спрашивается, зачем ей это надо? К чему сушить мозги и зубрить, если происхождение перечеркивает все твои старания? Будь ты хоть семи пядей во лбу, все равно ничего не добьешься. Ведь ты — никто, человек второго сорта.

Судя по рассказу мистера Смита, у ее друзей не было никаких перспектив. Блестящий ум Крысы, ловкость и выносливость Канальи, находчивость и предприимчивость Шельмы не найдут применения в Дармунде. Никого из них не допустят к выполнению высокой миссии, им даже не предложат поступать в Школу Друидов. В любой момент их могут запросто вышвырнуть из Дармунда, сдав в обычный приют. А если они все-таки смогут удержаться в Школе Бардов, то в семнадцать лет их все равно выставят без всяких обязательств, выдав благотворительную тысячу на первое время.

Ее будущее столь же незавидное. Все, на что она может рассчитывать — это стать чьей-то содержанкой или зарабатывать на жизнь гаданием, ну, это если ей еще позволят заниматься этим. Совет вполне может посчитать, что, как незаконнорожденная, она не имеет права пользоваться магическими знаниями.

Лаки целыми днями валялась на кровати и выходила из комнаты лишь для того, чтобы поесть.

Воспитательница Джулия Уиллис попыталась выяснить, что произошло. Девочка схватывала все налету, и проблем с запоминанием сложного материала никогда не было. Но на все вопросы был лишь один ответ. Надоело.

— Ты же понимаешь, что я буду вынуждена сообщить господину Бирну. Я не могу, не имею права скрывать от него тот факт, что ты совсем не ходишь на занятия.

Но на отчаянный призыв воспитательницы Лаки лишь спокойно ответила:

— Мне все равно. Я не хочу учиться в Дармунде. Эта учеба меня уже достала.

Мисс Уиллис не знала, что делать. Доносить на Лаки она не хотела, но и оставить все, как есть, не могла. Тогда Джулия решила попросить мистера Смита помочь ей и поговорить с девочкой.

Смит пришел и сел на стул рядом с кроватью, на которой, отвернувшись к стене, лежала Лаки.

Девочка пребывала в расстроенных чувствах и не хотела говорить. Жизнь представлялась ей серой и унылой.

— Что случилось, Лаки? — озабоченно спросил Смит. — Тебя кто-то сильно обидел? Расскажи нам, пожалуйста, мы поможем тебе.

Он погладил золотые волосы девочки, но та даже не повернулась к нему. Джед взволнованно переглянулся с мисс Уиллис и вновь начал утешать Лаки:

— Ну, так же нельзя поступать! Если до господина Бирна дойдет слух о том, что ты не посещаешь занятия...

— До него уже все дошло, — раздался с порога грозный голос.

Макбрайд обвел строгим взглядом воспитателей и требовательно спросил:

— Покрываете прогульщицу? Ну, я еще разберусь с вами. Особенно с тобой, Смит. До тебя, похоже, не доходят мои слова, значит, поговорим по-другому. А о вас, мисс Уиллис, я был лучшего мнения, — Бирн осуждающе покачал головой, — не ожидал, не ожидал. Хорошо, что в Дармунде еще есть преподаватели, честно исполняющие свой долг.

— Лаки больна, сэр, поэтому и не посещает занятия, — твердо произнесла мисс Уиллис, глядя прямо в глаза Макбрайду.

— Да неужели? — язвительно протянул он. — Так я ее сейчас вылечу. А вы оба быстро вышли отсюда, — грубо приказал он воспитателям, но те даже не шелохнулись, решив не оставлять свою подопечную наедине с разъяренным Бирном.

— Вы оглохли? Или совсем страх потеряли? — мгновенно вспыхнул тот и уже не сдерживаясь, грозно рявкнул: — Считайте, вас уже уволили! Пошли вон!

Лаки резко поднялась с кровати и умоляюще посмотрела на воспитателей.

— Пожалуйста, мисс Уиллис, мистер Смит, сделайте так, как велит господин Бирн, — тихо попросила она.

Смит внимательно посмотрел ей в глаза, пытаясь прочесть в бирюзовой глубине правдивый ответ:

— Ты уверена, Лаки?

— Я не понял, вы возомнили себя защитниками этой наглой девчонки? — уже взревел Макбрайд. — Ты меня достал, Смит! Видно мало я тебе двинул в последний раз!

Бирн шагнул к зарвавшемуся воспитателю, но его опередила Лаки. Гипнотизируя взглядом, она снова попросила:

— Я прошу вас, мистер Смит, пожалуйста, выйдите вместе с мисс Уиллис. Со мной все будет в порядке, не волнуйтесь.

Тот не смог устоять перед ее просьбой.

— Хорошо, Лаки, мы с мисс Уиллис выйдем, но будем рядом. В случае чего зови нас. Мы больше не работаем в Дармунде и не обязаны выполнять ничьи указания.

Он бросил предупреждающий взгляд Макбрайду и предложил руку мисс Уиллис.

Бирн не успел дать достойную отповедь слишком расхрабравшемуся Смиту. Лаки быстро захлопнула за воспитателями дверь и смело посмотрела ему в лицо.

Макбрайда удивляло поведение девочки. Они договаривались, что будут заниматься каждую среду, но на прошлой неделе он так закрутился с делами, что только поздно вечером сообразил — Лаки не пришла на занятие. Бирн хотел попенять ей за это на следующем уроке, но его она тоже пропустила. Сегодня он решил выяснить, в чем дело, но по дороге его перехватила преподавательница по зельеварению мисс Адамс и поставила в известность, что ученица Альварес нарушает школьную дисциплину и уже две недели не посещает занятия.

— Она не оценила вашу снисходительность, сэр, и продолжает свои наглые выходки. Ее надо выдворить из Дармунда, ей не место среди наших учеников, — презрительно скривив тонкие губы, процедила мисс Адамс.

Пообещав во всем разобраться, Макбрайд уже во взвинченном состоянии вошел в комнату Лаки, а здесь еще дерзкие воспитатели посмели ему перечить. Злой, как голодный волк, он сразу набросился на своенравную девчонку и дернув за руку, резко поставил перед собой.

— Чем это ты больна, красотка? Наглостью и ленью? Так я быстро тебя вылечу, в один момент, — Бирн замахнулся, чтобы шлепнуть по маленькой попке и натолкнулся на презрительный недетский взгляд.

Именно презрение, а не страх плескалось в бирюзовых глазах, и Макбрайд в растерянности опустил руку. Ему казалось, что между ними установилось какое-то доверие, ведь на своих уроках, которые продолжались уже полгода, они откровенно говорили обо всем. Бирн сразу сказал, что у них не будет запретных тем, и она может задавать ему любые вопросы. Лаки и

задавала, порой шокируя его, но всегда получала правдивые ответы. Он надеялся, что стал для нее другом, и месяц назад даже предложил ей обращаться к нему на «ты». А сейчас девочка смотрела на него, не опуская глаз, словно обвиняла в чем-то постыдном, и запал Бирна мгновенно угас.

— Что это за акт неповиновения? Почему ты не ходишь на занятия? — сухо спросил он, скрывая за недовольным тоном свое недоумение.

— Не хочу, — спокойно ответила девочка. — Мне надоело учиться.

— Да мало ли, кому что надоело! Есть понятие «надо»!

— Вот кому надо, пусть тот и учится, а мне — не надо.

Лаки ответила настолько безразлично, что Бирну даже захотелось встряхнуть ее, чтобы вывести из состояния непонятного противостояния. Он схватил девочку за плечи и затряс изо всей силы.

— Тогда тебе нечего делать в Дармунде! Моргнуть не успеешь, как очутишься в приюте и уже там будешь права качать!

Макбрайд так оттолкнул упрямую девчонку, что она едва удержалась на ногах. Он рассчитывал, что после такой встряски Лаки прекратит свой глупый протест.

Но она не думала прекращать. Подошла к шкафу и достала из него школьную сумку и куртку.

— Я уже сложила свои вещи, господин Бирн. Вы можете отправить меня в приют прямо сейчас.

Тот смотрел на нее широко открытыми глазами и не мог поверить в то, что она не блефует, а, действительно, готова немедленно покинуть Дармунд.

Девочка по-своему оценила его взгляд и раскрыла сумку, показывая, что не взяла ничего чужого. В сумке лежала старая мужская футболка и пара трусиков. Затем она пожалала плечами и отложила в сторону куртку.

— Я могу ее оставить, как, впрочем, и сумку.

Она достала свои нехитрые пожитки, завернула их в футболку и направилась к выходу.

На пороге Лаки вспомнила еще об одной вещи и зажав сверток под мышкой, попыталась снять с шеи амулет, так изменивший ее жизнь. Но сверток мешал ей, и она никак не могла расстегнуть цепочку.

— Зачем мне только его дали? Не надень я его тогда, мы бы так и жили в Венесуэле.

От щемящей тоски, прозвучавшей в ее голосе, у Бирна заныло сердце. Впервые в жизни он не знал, что делать. Обычно от одного его недовольного взгляда все втягивали голову в плечи, а перечить решались только члены Совета четырех.

— погоди, Лаки. Нельзя же вот так сразу, без всяких объяснений.

Он отвел ее руки от амулета и удерживая за плечи, напряженно смотрел в глаза.

— Я считал, что мы доверяем друг другу, но ты ничего не хочешь объяснять. Я чем-то обидел тебя?

Его голос был уже не грозным, а непривычно просительным.

— Ты же не обычная девочка, Лаки. С твоими способностями можно запросто получить оранжевый капюшон, а ты готова все бросить, и даже не боишься оказаться в приюте. Почему?

— Да потому, что у мистера Смита и у мисс Уиллис есть оранжевые капюшоны, а толку? Все, кому не лень, пинают их. Мисс Адамс и декан Коллинз имеют лишь зеленые капюшоны, и половины не знают того, что знают наши воспитатели, но тем не менее, считают себя выше и постоянно унижают их.

— Понимаешь, детка, ваши воспитатели, они... — Бирн осторожно подбирал слова.

— Не имеют влиятельных родителей или покровителей, поэтому у них нет никаких шансов добиться успехов в Дармунде, — продолжила за него Лаки. — А я, так, вообще, без роду

и племени. Мне даже лучше жить в приюте, где я буду наравне со всеми. И никто не заставит заниматься ненужной зубрежкой.

— Что значит ненужной? — возмутился Макбрайд и строго отчеканил: — Знания нужны для выполнения миссии, которую, как и все, ты обязана выполнить.

— Интересно, каким образом? — насмешливо поинтересовалась девочка. — Гадая всем желающим и изготавливая для них любовные амулеты? Так для этого у меня уже достаточно знаний. Или моя миссия будет заключаться в том, чтобы стать содержанкой какого-нибудь уважаемого «истинного друида»? Вы поэтому изучаете со мной «Друидскую любовь», господин Бирн? — по-взрослому цинично спросила она. — Готовите для себя?

— Да как ты смеешь, дрянная девчонка!

Макбрайд испытывал одновременно злость и обиду. Он думал, что стал для нее другом, а она считает его старым похотливым козлом и сейчас оскорбляет таким издевательским тоном. От гнева и бессилия Бирн вновь замахнулся на нее.

— А вы не сдерживайтесь и ударьте меня, мистер Макбрайд, — дерзко предложила Лаки. — Или еще лучше — избеите, как того парня. Ведь мы для вас — никто, грязь под ногами. Нас можно и убить! Подумаешь, на одного ублюдка станет меньше! Ну, ладно, я — даже не знаю имен своих родителей, но вот О'Хара хорошо знает, что фамилия его отца внесена в «Золотую книгу почета». А теперь скажите, зачем, не жалея жизни, честно выполнять свой долг, если твоего сына не считают за человека и избивают до полусмерти по прихоти высокомерной стервы? Вот сами и исполняйте свою миссию! А мне это ни к чему!

Лаки так разозлилась, что кричала во весь голос. Ей было все равно, пусть даже ее избьют, как Каналью.

— Отправляйте меня в приют, хуже там не будет!

— Ну, не горячись так. Признаю, что перебрал с тем парнем. Но пойми, я, как услышал, что он предлагал тебе... — виновато произнес Бирн, не решаясь повторить вслух грязные обвинения мисс Адамс. — А когда увидел его физиономию, — он не стал добавлять «бандитскую», чтобы не рассердить ее сильнее, — и когда еще выяснил, что он...

Макбрайд замолчал и просто махнул рукой. Он вспомнил свой звериный гнев, когда узнал, что на Лаки позарился мерзкий ублюдок, у которого на обеих руках даже были сделаны татуировки об этом. Как будто и так не видно, что на нем пробу ставить некуда.

— Что он ублюдок? Да еще и рожей не вышел? — взвилась от бешенства Лаки. — Конечно, зачем что-то выяснять! Надо сразу дать по наглой морде, чтобы кровью умылся, и переломать руки-ноги, чтобы неповадно было! А что он такого сделал? Подошел к девчонке и попросил колечко в ухо, посчитав, что, если ей не жалко их на котов, то она и ему даст пару штук? Это что — преступление?

У Лаки от злости даже зубы сводило, и она с еще большей яростью набросилась на Бирна.

— Я не могла поверить в то, что можно без всякой причины так зверски избить человека. Для кого-то, может, он и ублюдок, но он — человек! А еще больше я не могла поверить, что это сделал мой учитель, которому я доверяла и которого уважала за честность и благородство.

Она совсем выдохлась и уже не кричала, а говорила еле слышным, полным разочарования и обиды голосом.

— Я его не знала, но после того, что произошло, решила выяснить, кто он такой. И тогда все стало понятным. У О'Хара нет защитников. Его главный защитник отдал жизнь при выполнении вашей миссии. Жаль только, что сын не успел родиться до этого. Отец — герой, о нем говорят на уроках и ставят в пример. А сын героя — уродливый ублюдок, которого можно бить ногами без суда и следствия. Будь жив отец, в жилах его сына текла бы благородная кровь. Но он погиб, и кровь героя сразу превратилась в болотную грязь. Хорошие законы царят в вашем Дармунде.

— Лаки, все не так просто, как кажется...

Бирн не находил нужных слов, во многом девочка была права, но законы установлены не им, и не ему их менять.

— Понимаешь, чтобы признать ребенка законным сыном погибшего до его рождения отца, мать должна подать прошение в Совет четырех и предоставить доказательства. А если она этого не сделала, значит, их нет.

Макбрайд замолчал на полуслове. На его памяти было всего несколько случаев признания отцовства из сотен ходатайств об этом. Даже после того, как во всем мире научились делать анализ на ДНК, в их магическом обществе продолжают действовать средневековые законы. Согласно им, отцовство признается только Советом четырех, члены которого должны быть твердо убеждены, что ребенок — сын погибшего. И убедить их могут не анализы, а три не заинтересованные свидетеля. И этих свидетелей как раз найти очень сложно. Никто не хочет брать на себя такую ответственность. В их клане царят весьма свободные отношения, и как можно быть уверенным, что хитрая женщина не воспользуется случаем и не прикроет грех фамилией человека, уже не могущего ни подтвердить, ни опровергнуть свое отцовство. Только личное ходатайство главы рода и неопровержимое доказательство — идентичность радужной оболочки глаз могли убедить Совет признать ребенка наследником этого рода.

— А мистер Смит виноват в том, что его мать умерла во время родов и не смогла подать прошение? — Лаки с новой силой набросилась на него с обвинениями. — За нее пытались это сделать родители, но ваш Совет ведь не принимает прошения от других родственников! Вот и получается, что дети героев становятся мишенями для издевательств. Их даже клеймят, как скот, делая мерзкие татуировки на руках. А ваш Совет, у которого есть сила и власть, мог бы все изменить, но вам на них наплевать!

— Им насильно ставят клеймо? — пораженно произнес Бирн.

— А вы думали, они сами с гордостью делают себе такие наколки, господин Бирн? Да еще на обеих руках, чтобы всем было лучше видно? — презрительно хмыкнула Лаки. — Может, вы им тоже расскажете о высокой миссии? Хотя, о чем я говорю. Ублюдки ведь не достойны выполнять миссию. Не понимаю, зачем вообще их чему-то обучать и тратить деньги на содержание? Надо, как котят, сразу топить после рождения.

Лаки наконец вывернулась из рук Бирна и положив сверток на стол, вновь взялась за цепочку, пытаясь открыть хитрый замок.

— Да погоди ты с этим амулетом, мы еще не договорили, — Бирн снова решительно отвел ее руки от цепочки. — Ты хочешь оставить братьев? Как же так, Лаки?

Он не мог в это поверить. Ладно Стивен, но ведь с Викрамом она была вместе с раннего детства, а сейчас готова отправиться в приют, зная, что может никогда его больше не увидеть.

— Они смогут навещать меня, если захотят, — равнодушно пожала плечами девочка. — Впрочем, им сейчас не до сестры. Так заняты подготовкой к священной миссии, что я их почти не вижу, — без всякой обиды, просто констатируя факт, сказала она и с вызовом посмотрела на Макбрайда. — А если у вас хватит жалости или совести, то вы отправите со мной Габриэля. Хоть там мы будем вместе.

Бирн не знал, что делать. Связанный словом, он не мог открыть тайну ее происхождения. Как и не мог пообещать, что ей уготовано великое будущее, потому, что сам не знал планов Галларда насчет своей правнучки. На все его вопросы глава клана неопределенно отвечал, что пока не задумывается над этим и только увеличивал нагрузки, заставляя Лаки изучать все новые дисциплины. В свои тринадцать она владела знаниями шестнадцатилетних, причем самых умных из них. И сегодняшний трудный разговор тоже доказал, что мышление у нее отнюдь не тринадцатилетней девочки.

Макбрайд не мог убедить ее в ошибочности суждений. Ведь все, что она говорила, было правдой. Но он не хотел ее терять, а как уговорить остаться не знал. Все слова были просто словами.

И тогда Бирн опустился перед девочкой на колени.

Никогда в жизни он ни перед кем не стоял на коленях, потому, что привык не просить, а сам добиваться всего. Но сейчас это был единственный способ убедить ее остаться. Ведь в их магическом мире тот, перед кем становятся на колени, не имеет права отказаться выполнить просьбу.

Лаки испуганно посмотрела на Макбрайда и шепотом спросила:

— Зачем ты это сделал?

— Не хочу, чтобы ты покидала Дармунд, — также тихо ответил ей Бирн. — Я прошу тебя остаться и продолжить учебу.

— Но почему ты об этом просишь? — искренне удивилась девочка. — Я точно знаю, что не имею к тебе никакого отношения. Это с господином Галлардом у меня какая-то сомнительная связь, судя по цвету глаз. Но не думаю, что он рассердится, если ты поможешь ему избавиться от «плода греха» его дальнего родственника. Хотя, тебе, наверно, неудобно отправлять меня в приют, ведь мы так хорошо общались в последние месяцы.

Она доверчиво улыбнулась Макбрайду, подсказывая приемлемый выход из сложившейся ситуации.

— Пусть о моем поведении ему расскажет мисс Адамс, а ты останешься в стороне.

— Лаки, да причем здесь Галлард или какая-то мисс Адамс? — с раздражением произнес Бирн. — Я прошу, чтобы ты осталась ради себя самого. Я привязался к тебе.

— Белого пушистого котенка всегда пристроить легче, чем облезлого черного. Спасибо неизвестным папочке и мамочке за мою внешность. Ко мне легко привязаться из жалости к симпатичной сиротке. Только я — не котенок! И в ничьей жалости не нуждаюсь.

— Да какой из тебя пушистый котенок? — охотно согласился с ней Бирн. — Ты будущая волчица — гордая и смелая. И встреча с тобой — самое лучшее, что случилось со мной за последние годы. Уж пожалей старика, не лишай его радости. Сколько мне тут осталось, — и он так огорченно вздохнул, словно собрался завтра помирать.

— Кто же тогда будет изучать со мной «Друидскую любовь» и постоянно воспитывать? — насмешливо усмехнулась девочка. — И не прибедряйся, еще с полста лет протянешь.

— Так значит, мир? — широко улыбнулся Макбрайд и протянул Лаки руку. — И завтра ты приходишь на отработку пропущенных уроков?

Лаки ответно протянула руку, и та сразу утонула в большой ладони.

— Куда от тебя денешься. Остаюсь в вашей тюрьме, сэр, хотя в приюте, говорят, иногда в зоопарк или в цирк водят.

Бирн довольно засмеялся и поднялся на ноги. А в воскресенье они сбежали из Дармунда через подземный ход и целый день провели вместе. Сначала в цирке, а потом в парке аттракционов, причем не в Дублине, а в Париже.

Так начались их необычные отношения, с годами переросшие в настоящую привязанность. Он научил ее стрелять, водить машину, а затем и управлять вертолетом. Научил летать, как птица и разговаривать с животными. Да и много еще чему... Он заменил ей отца, деда и прадеда, став для нее человеком, которому можно доверять. Ну, почти доверять. Полностью Лаки не доверяла никому, даже самой себе.

Глава 2

Макбрайд вышел из комнаты выжатый, как лимон. Разговор с Лаки дался нелегко. Хорошо еще, что смог убедить ее остаться. Да-а, у девочки железная воля и смелая душа. Как дерзко она высказала все, что о нем думает. И заставила его не только задуматься о своем поведении, но и устыдиться. Он ведь и правда, даже не пытался установить истину. Слов мисс Адамс стало для него достаточно.

Бирн даже сплюнул от досады. Он же помнил, как эта мадам поливала грязью Лаки, пытавшуюся защитить подругу от извращенков. Да и сегодня она брызгала ядом, донося на ученицу Альварес. Так почему же он безоговорочно поверил ее обвинениям О'Хара? Из-за того, что у парня бандитская физиономия? И его, как черного и облезлого кота, так и хочется пнуть, чтобы не мешался под ногами? А может все дело в том, что он никто, и звать его никак?

К незаконнорожденным детям так относились веками, и Бирн не был исключением. Он не пожелал выслушать не только мальчишку, но и Смита. Лаки права, свой хитон с оранжевым капюшоном тот может спрятать в шкафу. Он никогда не станет преподавателем в Дармунде, несмотря, что в десять раз умнее декана Коллинза. Ему и должность воспитателя досталась, лишь благодаря настойчивости Макбрайда. Совет четырех согласился на это со скрипом. Ардал с явным сожалением сказал тогда: «Пойми, мы не против Смита. Он честный, умный и порядочный человек. К тому же, прирожденный преподаватель, и многому мог бы научить. Но родители наших учеников никогда не согласятся, что бы их детей обучал незаконнорожденный, и мы не можем игнорировать мнение большей части нашего клана. Даже назначение его воспитателем вызовет возражения». Однако, глава клана поддержал Бирна и предложил: «Давайте попробуем и посмотрим, что выйдет из этой затеи».

Что вышло, уже известно. Коллинз с приспешниками откровенно травит Смита, выживая из Дармунда. Бирн и сам хорош — вечно обвиняет его в неблагодарности и за малейшую провинность угрожает выгнать. А ведь он на сто процентов убежден в том, что Смит — сын Артура Фокса. Тот похож на отца всем — лицом, голосом, походкой.

Макбрайд хорошо помнил Фокса. Он лично тренировал Артура и был высокого мнения о нём, как о ловце, так и о человеке. Узнав о его гибели, Бирн искренне огорчился и сам подал прошение о внесении Фокса в «Золотую книгу почета», что обеспечило семье значительную финансовую поддержку. Только семьей посчитали отца Артура и сестер, а ребенка — нет, ведь мать не подала прошения о признании его сыном Фокса. А если не подала, значит знала, что не докажет этого, подумал тогда Бирн. И ребенок стал очередным незаконнорожденным в Дармунде. Только благодаря разрешению Макбрайда на допуск к тайным знаниям, Смит смог окончить Школу Друидов. А толку? Сыну легендарного ловца даже не предложили пойти по стопам отца, ведь к выполнению миссии его все равно не допустили бы.

В голове Бирна вновь молотом застучали беспощадные слова: «Их не считают за людей, и клеймят как скот! А вы — власть, ничего не делаете, чтобы защитить сыновей ваших героев. Да вам просто наплевать на них! Превозносите отцов и одновременно топчите их детей!»

А еще было нетерпимо стыдно, когда девочка выкрикнула ему в лицо: «Я не могла поверить, что это сделал человек, которого я уважала за честность и благородство — мой учитель!»

Лаки еле простила ему эту выходку. Он просто не имеет права вновь потерять ее доверие. Надо обязательно все выяснить и попытаться исправить.

Бирн поднял опущенную голову и столкнулся с настороженными взглядами воспитателей. Как и обещали, они ожидали в коридоре, готовые в любой момент прийти на помощь девочке.

Макбрайд хмуро кивнул им, подзывая поближе. Ему было неловко за свою несдержанность, и он спрятал это чувство под маской холодной вежливости.

— Мисс Уиллис, Лаки чувствует себя уже лучше, и завтра вполне готова посетить занятия. Проследите за этим, пожалуйста. И еще, — он требовательно посмотрел на воспитательницу. — Объясните, почему у нее так мало личных вещей? У меня сложилось впечатление, что кроме школьной формы и куртки, из которой она давно выросла, у нее больше нет никакой одежды. Никаких платьев, юбок и что там еще носят девчонки?

— У вас сложилось верное впечатление, господин Бирн, — тихо ответила Джулия. — Лаки обучается за счет Дармунда и носит форменную одежду, выдаваемую один раз в два года. Почему-то никто не учитывает, что дети быстро растут, и школьную форму надо обновлять каждый год. Желательно выдавать еще и обычную одежду — платья, брюки, рубашки, чтобы эти дети не выделялись среди остальных учеников и не чувствовали себя ущемленными.

«Людьми второго сорта, — подумал Макбрайд и стиснул зубы от злости. — Ну, Галлард! А еще убеждал меня, что Лаки ни в чем не нуждается! Конечно, не нуждается, ведь у нее нарядов, как у принцессы! Кроме формы, даже имеются две пары трусов и старая футболка, в которую она была одета в тот давний день в Венесуэле. И братья ее совсем обнаглели! Забросили девчонку за своими гульками, — распалился он еще больше. — К миссии они готовятся, как же. Знаем их миссию — кто больше перетрахаёт девчонок в Дармунде. Ну, ничего, он им покажет! Особенно проклятому мафару. А как грустно девочка сказала, что братья смогут навещать ее в приюте, если захотят. У него даже сердце закололо».

— Мисс Уиллис, — вновь обратился он к воспитательнице. — Надо как-то приодеть девочку, а то она выглядит совсем, как оборванка. Я дам деньги, а вы купите для нее все необходимое в каком-нибудь приличном магазине.

Макбрайд достал бумажник, извлек из него несколько крупных купюр и протянул их девушке.

— Хорошо, господин Бирн, я куплю одежду для Лаки, — спокойно ответила Джулия, не торопясь брать у него деньги. — Если вы уверены, что она ее примет от вас.

И заметив недоуменный взгляд, объяснила:

— Я хотела сделать ей приятное и подарила новое платье, недорогое, но миленькое. Лаки категорически отказалась взять его. Конечно, она постаралась не обидеть меня, но ясно дала понять, что не нуждается в подачках. Платье пришлось вернуть в магазин.

— Я как-то об этом не подумал, — растерянно признался Бирн, пряча деньги. — От меня она тем более ничего не примет. Ладно, что-нибудь придумаем. Вы тут присматривайте за ней, пожалуйста, — уже совсем мирным голосом попросил он воспитательницу и повернулся к Смиту:

— А с тобой у меня будет отдельный разговор, — и заметив тревожный обмен взглядами, строго добавил: — Пока остаетесь на своих местах, а там посмотрю на ваше поведение. Идем, Смит. У меня к тебе есть задание, которое надо выполнить быстро и без всяких пререканий.

В кабинете Макбрайд уселся за стол и молча кивнул воспитателю на кресло. Тот сел и напряженно уставился на Бирна, не ожидая для себя ничего хорошего. Однако, разговор зашел не о нем.

— Рассказывай все, что знаешь о том парне, ну, который валяется в изоляторе.

«По твоей милости, — со злостью подумал Джек. — Теперь ты решил все выяснить о нем. И зачем? Чтобы безнаказанно добить?»

Он испытывающее смотрел на Макбрайда, думая, что же сказать, ведь каждое его слово тот может использовать против Дойла.

— Ничего не знаешь о мальчишке, за которого подставил спину? — вкрадчиво поинтересовался Бирн и обманчиво мягко подсказал: — Случайно шел мимо и вмешался, услышав крики?

Не дождавшись ответа, он со всей силы грохнул кулаком об стол.

— Да ничего ты не мог услышать! Тот паршивец и звука не издал!

«Только смотрел своими наглыми глазами, в которых был не страх, а презрение. Таким же взглядом сегодня обожгла меня и Лаки».

— В молчанку решил поиграть? Я жду ответа!

— Его зовут Дойл О'Хара, ему шестнадцать лет, он избранный второго уровня.

Смит тщательно подбирал слова, стараясь не сказать ничего лишнего.

— Занятия посещает регулярно, дисциплину не нарушает. Друзей не имеет. К лицам своего и противоположного пола особого интереса не проявляет.

Казалось, воспитатель монотонно читает стандартный текст из личного дела, не проявляя никакого участия к этому ученику.

— Вот и все, что я о нем знаю.

— И только потому, что нет друзей, ты таскаешь ему апельсины в изолятор, — язвительно продолжил Бирн. — А он охотно делится ими с лицом противоположного пола, к которому не проявляет особого интереса.

Джед удивленно посмотрел на Макбрайда. Надо же, и о сиделке Кэтрин успели донести. Осведомителей в Дармунде хоть отбавляй.

— Так вы знаете больше меня, сэр. Что я могу рассказать вам нового?

Бирн легко поднялся и прошелся по комнате, а затем встал за спиной воспитателя. Тот настороженно напрягся. От главного экзекутора можно ожидать всего, чего угодно, даже удара по шее.

Смит почти угадал, только это был не удар, а захват. Бирн резко обхватил его шею и прижал к спинке кресла правой рукой, а левой быстро задрал рукав пуловера вместе с рукавом рубашки и обрывая на нем манжет, обнажил руку до локтя. Увидев татуировку, он витиевато выругался и отпустил воспитателя.

Побледневший Смит очень медленно, чтобы унять дрожь в руках, застегнул почти оторванный манжет, а затем встал и направился к двери.

— Кто это сделал и когда?

— Какая разница.

— Вернись, мы не договорили. Куда это ты так подхватился?

— Я уже не работаю в Дармунде, вот и подхватился собирать вещи, — слегка повернув голову, холодно произнес Смит.

— С чего это вдруг? Я же сказал, что все остаются на местах. Хватит хорохориться, Джед. Сядь на место.

Макбрайд безмерно удивил его, назвав по имени. В бытность учеником, он был для всех просто Смитом. И даже став воспитателем, не удостоился обращения «мистер». Копируя преподавателей, к нему столь же пренебрежительно относились и ученики.

Это были тяжелые первые полгода его работы в Дармунде, да, наверное, и последние. Ему было всего двадцать пять, он был вчерашним выпускником, и как всем, только начинавшим работать в Школах, Смиту было сложно завоевать авторитет и у преподавателей, и у учеников. Тем более, что Коллинз постоянно унижал его и перед теми, и перед другими. Джед был уверен, что увидев мерзкую татуировку, Макбрайд сразу уволит его. Тем удивительней стало обращение к нему по имени. Немного поразмыслив, он снова опустился в кресло.

Бирн достал из шкафа бутылку виски и плеснув в стаканы, один протянул воспитателю, а из второго залпом выпил все содержимое, пытаясь успокоиться. В ушах опять зазвучали слова Лаки: «А сыновьям героев они ставят клеймо, не считая их за людей».

Макбрайд двадцать лет честно выполнял свой долг в роли ловца, а затем возглавил элитный отряд. Даже став членом Совета четырех, он не оставил свой пост. И только несколько лет назад передал его своему лучшему ученику — Аластару Килпатрику. Лучшему из тех, кто остался в живых после многих лет служения миссии. Сколько их лучших погибло за все эти

годы? А подонки ни дня своей жизни не посвятившие великой миссии, опускают их сыновей до уровня скота.

— Какая сволочь сделала тебе эту наколку, Джек?

Смит покрутил в руках стакан с виски, а затем сделав небольшой глоток, ответил:

— Мне было семь лет, когда «истинные друиды» решили научить меня почтительности.

— А Коллинза, случайно, среди них не было?

Джек лишь кивнул ему. Он не хотел вспоминать тот страшный день, когда три вековозрастных негодяя жестоко избили его, а потом долго мучили, расписывая тупой иглой руки. Особенно изощрялся Коллинз, выделяясь перед друзьями. Те двое нанесли только по букве, а Коллинз уже дописал все остальное. Раны долго гноились, ведь игла была не только тупая, но и грязная. А еще они применили какие-то особенные чернила, которые намертво въелись в кожу и не поддавались никакому выведению своими силами. Обращаться в специальные салоны, где выводили татуировки, ему было стыдно, да и сомнительно, что обычная шлифовка кожи помогла бы.

— Вот гад! И стоит же твердо, никак не спихнуть его, — с досадой выругался Бирн. — Иногда так хочется врезать ему, прямо руки чешутся, но ни на чем не поймаешь. Таким праведником заделался, нотации всем читает, а сам, как был гнилью, так ею и остался.

Макбрайд снова налил себе виски, чтобы не взорваться от бешенства на бессилие что-либо изменить в жизни этого парня. Нет! Он должен найти выход и помочь сыну Артура занять достойное место в их обществе. И он обязательно его найдет! В конце концов, Лаки правильно сказала, что они — власть, и если какого-то закона нет, значит, надо его издать.

— Ты пока лишний раз не мельтеши перед Коллинзом, не раздражай его своим видом. А там посмотрим. Только от этого надо обязательно избавиться. Ты пытался что-нибудь сделать?

— И не один раз. Ничего не получается, — грустно покачал головой Смит, а потом слегка улыбнулся, вспоминая Лаки. — Правда, одна подружка пообещала помочь в этом деле.

— Поторопи ее, надо сделать, пока никто еще не знает. У твоего отца была небольшая татуировка — бегущая лиса. Мы все так его и звали — Лис. Хороший был парень.

Макбрайд ностальгически вздохнул, но заметив, как Джек прикусил губу от горечи, быстро перевел тему в другое русло.

— Ладно, давай займемся делом. Я хочу, чтобы ты составил список детей-сирот с указанием всех данных: рост, размер одежды и обуви. И напротив каждой фамилии укажи все, что известно о родителях, — и без всякого перехода снова спросил об избитом парне: — А тот, из изолятора, даже не скрывает свои наколки. Ему все по фигу? Типа, терять уже нечего?

— В принципе, да, — тихо ответил Смит и почти прошептал: — Отчаянный, весь в отца. Но Бирн услышал и требовательно спросил:

— Кто его отец? Один из наших?

— Мерфи Кэмпбелл.

Макбрайд даже заскрипел зубами от досады и стукнул кулаком в ладонь.

— Я еще думал, кого он мне напоминает своим наглым взглядом! Да, Мерфи был дерзким, ни перед кем не прогибался, но в драке я не знал лучшего бойца. Всегда ходил по лезвию бритвы. И тогда рискнул, ввязавшись в драку с пятью мафарами. И ведь почти ушел от них, но шальная пуля догнала. А шрам у парня откуда? Тоже подонки постарались?

— Не знаю. А наколки сделали, когда сломали ему правую руку в шесть лет. Он их не прячет и живет в своем мире. Ни с кем не общается и никого близко не подпускает. Но девчонку никогда бы не обидел, тем более, малолетнюю, — и Смит осуждающе посмотрел на Макбрайда.

— Да я уже все понял, — досадливо поморщился Бирн. — Лаки сказала, что О'Хара попросил у нее какую-то ерунду, а до этого она его видела всего пару раз. Самому противно, что так прокололся и поверил на слово этой ведьме Адамс. Знал ведь, что нельзя ей доверять,

— и виновато вздохнул: — Но, понимаешь, он ведь старше Лаки, а она такая хорошенькая, и я как представил, что...

— Что чудовище хочет съесть красавицу, — иронично хмыкнул Смит. — Только Дойл не чудовище. У него изуродовано лицо, но не душа.

— Ладно, задание ты получил. Жду результат, — свернул неприятную тему Макбрайд и давая понять, что разговор окончен, деловито распорядился: — Передай моей секретарше, пусть немедленно вызовет ко мне Маклафлина и Ольсена.

Братьям Лаки не повезло. Они попали на выволочку, когда Макбрайд еще не отошел от разговора со Смитом, и он оторвался на них по полной программе.

Голосом добродушного дедушки Бирн пригласил их в кабинет, усадил напротив себя и невинно поинтересовался:

— Как учеба, ребята? Как успехи?

Ребята украдкой переглянулись, и Стивен неуверенно ответил:

— Да все нормально, учимся, стараемся.

— Учитесь, стараетесь? — с довольной улыбкой переспросил Бирн и похвалил: — Молодцы. А как дела у Лаки?

Викрам облегченно вздохнул, вроде пронесло. Он боялся, что до Макбрайда уже докатились слухи об их невинных развлечениях. Они совсем забросили учебу и с наслаждением закрутились в вихре развлечений. За окном бушевал апрель, девчонки сводили с ума своими длинными ногами, и у них началась любовная лихорадка. Ну, а с сестрой все нормально, она прилежно учится и не доставляет никаких хлопот. И в те редкие встречи с ней, выглядит здоровой и веселой, поэтому Вик самоуверенно отрапортовал:

— У нее все отлично, сэр. Учеба дается легко, и она всем довольна.

— А когда вы ее видели? Вчера?

Бирн говорил еще спокойно, но глаза уже начинали темнеть, как грозовое небо. Стивен хорошо знал, что это было знаком приближающейся бури, но даже не предполагал, в чем дело. Викрам тоже заподозрил, что Макбрайд играет с ними, как опытный кот с глупыми мышами, только не мог понять, что тому надо. Они со Стивеном, конечно, не пай-мальчики, но до громких скандалов никогда не доводят. И с девчонками, и с преподавателями все решают миром, без эксцессов и обид. Он не понимал, зачем заговаривать зубы о Лаки. Сказал бы сразу, что ему надо, выругал бы или врезал, чего же резину тянуть. Сегодня пятница, и вечером можно отлично оттянуться с двумя близняшками, весьма горячими штучками.

Вик решил закруглить визит и быстро отчитался:

— Мы видели ее с неделю назад на школьном дворе, сэр. Немного поговорили. Стивен, как всегда, засыпал ее конфетами, и она побежала играть к девчонкам.

Бирн резво подхватился на ноги и уже через мгновение со всех сил тряс Вика.

— Ты, наглая мафарская морда! Сестру на шлюх променял! — взревел он и со всей силы заехал парню в челюсть.

Тот отлетел в сторону и не удержавшись на ногах, приземлился на пол. Через пару секунд к нему присоединился и Стивен.

— Твари! Кобели вонючие! Братья называются! — выругался Макбрайд и больно ткнул Стивена в плечо. — Ладно этот засранец — одно слово, что брат, он Лаки и не знает толком. А ты, мафарское отродье, был с ней рядом столько лет, а сейчас просто бросил! Сиськи и письки все заслонили? Последние мозги растерял, как и совесть? Конфетами они откупаются, мудаки! Всуньте эти конфеты себе в задницы, козлы недотраханые! Пошли вон отсюда! Нет больше у Лаки братьев!

Вик вскочил с пола и встревожено спросил:

— Что случилось с Лаки, сэр? Пожалуйста, скажите, что с ней?

— Ничего не случилось, братец, она веселая и довольная, — ехидно произнес Бирн. — Правда, проболела две недели и провалялась в постели, а кроме чужих людей — воспитательницы и подружки никто и не поинтересовался, что с ней. Неделю назад они ее видели, как же! Да вы больше месяца о сестре не вспоминали, и сегодня уже намылились на гульки. Вот и бегите! А о Лаки можете забыть навсегда, такие братья ей не нужны. Все, валите отсюда! Видеть вас не хочу!

— Ну, зачем ты так, дед, — осмелился обратиться к нему Стивен.

Он редко называл его дедом, потому что практически не общался с ним в Дармунде. Бирн никогда не афишировал свое родство с учеником Маклафлином. Об этом знали только Вик и Лаки.

— Мы любим сестру. Просто как-то все завертелось в конце учебного года, надо готовиться к экзаменам. Поэтому и уделяем ей немного меньше внимания, — начал оправдываться Стивен, на что Бирн лишь издевательски ухмыльнулся, проявив неожиданную осведомленность обо всех их делах.

— Да-да-да, слышали, как вы усердно получаете знания. Сестре греете уши про учебу, а сами не вылезаете из постелей шлюшек, готовясь к миссии великих трахальщиков. Да я все о вас знаю! Я вам не Лаки, втирать мне не надо! Позор! При двух таких шикарных братьях девчонка растет беспризорницей и ходит, как оборванка.

— Сэр, Лаки сама сказала, что очень занята учебой, и у нее практически нет свободного времени, — Вик не оставил попыток оправдаться перед Макбрайдом. — Вот мы лишний раз ее и не отвлекаем. А ходит она постоянно в форме потому, что на младших курсах обязывают ее носить.

— Это она не хочет вас отвлекать от такого важного дела, как изучение женских гениталий, — презрительно скривился Бирн. — И чтобы ты знал, Ольсен, на младших курсах обязывают носить форму только тех, у кого кроме нее ничего нет. Жизнь, знаешь ли, обязывает — либо ходить в форме, либо голышом. Хотя, о чем я? Твоя сестра прекрасно снабжена одеждой. Почти по-королевски. Ведь у нее, подумать только, еще есть старая черная футболка и двое трусов. Это же масса вариантов компоновать наряды.

— Но, я правда думал, что у нее все есть, — растерялся Викрам от язвительных упреков.

У них со Стивеном было много общего, и одной из слабостей была дорогая одежда модных брендов. Покупку ее они превращали в увлекательную игру, включающую флирт с хозяйками бутиков и внушительные скидки.

— Почему она не попросила меня что-нибудь ей купить?

Викрам расстроился, а ответ Макбрайда огорчил еще больше.

— Наверное потому, что ты уже не тот Вик, которому можно доверить свои секреты. К тому же Лаки не привыкла что-то просить, да еще и у чужих людей.

Бирн чувствительно ткнул указательными пальцами одновременно обоих братьев и безжалостно заявил:

— Я скажу господину Галларду, что мы ошиблись, разрешив создать семью людям, не имеющим никакого духовного родства. Вернее, между вами двумя оно как раз и существует. Если бы я точно не знал, что у вас разные матери, то сам бы сказал, что вы братья-близнецы. Вылиты из одной формы и наполнены одинаковым дерьмом. Все, разговор окончен. Сейчас рассматривается вопрос об удочерении Лаки, и таким братьям, как вы, лучше не значиться в ее биографии. Без вас мы ее быстро пристроим в надежные руки. Это будет также легко, как с белым пушистым котенком.

— В чьи это руки вы собрались отдать мою сестру, господин Бирн? — взволнованно произнес мгновенно побледневший Викрам. — Лаки — все, что у меня есть. Я не смогу без нее.

Бирн внимательно посмотрел на парня и понял, что это был крик души, а не просто красивые слова.

— Окончательно об удочерения еще не решено, — сухо произнес он, озабоченно перебирая на столе какие-то бумаги. — Но такие мысли витают в воздухе. И вы — единственные концы, которые надо обрубить.

— Дед, не надо нас обрубать, — тихо попросил Стивен, заискивающе заглядывая в суровые глаза Макбрайда. — Мы все поняли и все исправим. И зачем ее удочерять? Мы ведь совершеннолетние и сами можем отвечать за Лаки. Но для надежности я попрошу отца стать ее опекуном.

— Отца он попросит, — хмуро передразнил его прадед. — Да если бы мне позволили я давно удочерил бы Лаки, а вас прогнал бы под зад коленом. Ладно, даю вам последний шанс проявить себя настоящими братьями. Только не надо сейчас бежать к ней, — резко осадил он парней. — Лаки умная девочка и сразу поймет, откуда у вашей внезапно вспыхнувшей любви растут ноги. Завтра посвятите сестре несколько часов, погуляйте, а заодно и купите ей какую-нибудь одежду, только не на блошином рынке.

Макбрайд достал из портмоне купюры и протянул их Стивену.

— Для сестры у нас найдутся деньги для самого крутого бутика, — процедил сквозь зубы правнук. — Еще не настолько бедствуем, чтобы побираться у тебя.

— Посмотрите, какой богатый и гордый, — скептически покачал головой Бирн и властно приказал: — Бери, я хочу сделать девочке подарок, но от меня она точно ничего не возьмет.

Стивен не стал спорить, чтобы не разозлить прадеда еще больше. Взял деньги, и они с Виком поспешно покинули кабинет.

— И не вздумайте завалить дорогими тряпками, а то она подумает, что вы от нее откупаетесь, — уже на пороге догнали их последние наставления Макбрайда. — Купите какой-нибудь свитерок, джинсы, кроссовки так, вроде мимоходом, выбирая себе двадцатую рубашку, чтобы девочка ничего не заподозрила. Ей подачки ни от кого не нужны, а от вас, тем более. В воскресенье посмотрю на ваш хваленый вкус. Специально приглашу сюда Лаки, и увижу, как вы ее нарядите — чучелом огородным или куколкой.

«Впрочем, она в любой одежде будет смотреться красоткой, — мрачно подумал Бирн и тяжело вздохнул. — Это становится большой проблемой».

Срочно надо что-то делать, но что именно неизвестно. Не станешь же бить всех подряд, только заговоривших с Лаки, как он поступил с сыном Мерфи. Девочка за это сильно обиделась, и они еле-еле помирились. Да и на этих братьев рассчитывать нельзя. Сегодня он немного промыл им мозги, но надолго ли. У них сейчас витают совсем другие мысли, и даже не в голове, а в ином месте. Надо постараться убедить Лаки в том, что она может довериться ему и пожаловаться на пристающих к ней наглецов.

Макбрайд иронично усмехнулся сам себе. Да после случая с О'Хара она ему ни слова не скажет. Пожалуй, лучше попросить мисс Уиллис не спускать с нее глаз, да и с той девочки — Мариоки Каллахан, тоже. А Смигу приказать присматривать за всеми тремя. Он ведь заметил, что самая старшая девочка тому очень нравится.

Надо в лепешку расшибиться, но помочь парню вернуть фамилию отца. Да и перед сыном Мерфи загладить вину. Он виноват перед ними всеми, и перед мертвыми, и перед живыми, и обязательно найдет способ, как восстановить справедливость.

Глава 3

Смит вышел из кабинета Макбрайда и увидел в коридоре мисс Уиллис, стоявшую у окна. Она встрепелась при его появлении, и Джек направился было к ней, но заметив появившегося в начале коридора декана Школы Оватов, прошел мимо, лишь кивнув ей в знак приветствия. А поравнявшись с Коллинзом, услышал наполненные желчью слова:

— Прячетесь от сопливых подопечных, Смит? Ай-ай-ай, нехорошо так пренебрегать своими обязанностями. Придется довести до сведения Совета, что вы не соответствуете уровню обслуживающего персонала в Дармунде.

В ответ Джек лишь молчаливо обжег его взглядом.

Такая дерзость еще больше разозлила декана, но их пикировку видела мисс Уиллис, и Коллинз не захотел выглядеть в ее глазах рыночным склочником, кричащим ругательства в спину молчавшего человека. Он решил воспользоваться ситуацией и затащить девушку в свой кабинет, а там доходчиво объяснить, что для нормальной работы в Дармунде, ей необходимы его «консультации» два-три раза в неделю. Ведь в будущем, когда он займет место заместителя Макбрайда, лучше иметь в его лице великодушного покровителя, чем сурового начальника.

— Вы кого-то ожидаете, мисс Уиллис? — высокомерно спросил декан воспитательницу.

Джулия Уиллис растерялась от холодного кивка Смита. Она так переживала за него, а он едва посмотрел в ее сторону. Еще этот Коллинз пристал к ней и буравит насквозь своими крысиными глазками.

— Я жду миссис Финч, — еле нашлась с ответом девушка.

Ранее она заглянула в приемную Макбрайда в надежде увидеть там Смита, и заметила, что одной секретарши не было на месте.

— Напрасно. Миссис Финч запикивается пирожными в школьном буфете, — презрительно скривил тонкие губы Коллинз и издевательски ухмыльнулся. — С ее фигурой можно уже ничего не опасаться.

Походя оскорбив секретаршу, декан жадно шарил глазами по телу девушки, вызывая у нее чувство стыда и отвращения. Джулии казалось, что ее раздевают взглядом.

— А пока ее нет, уделите мне несколько минут вашего драгоценного времени. Пройдемте, обсудим в кабинете мои замечания по вашей работе.

Коллинз сжал ее локоть и начал уверенно подталкивать в сторону своего кабинета. Джулия впала в панику. Она была наслышана о «разговорах» с деканом и лихорадочно искала предлог для отказа. Только ничего не смогла придумать. Разве, что бежать со всех ног. И навсегда забыть о работе. Но им с бабушкой еще несколько лет платить ипотеку, поэтому лишиться работы никак нельзя. Однако и выполнять гнусные требования декана Джулия не могла. Для этого пришлось бы наступить на собственное горло.

Пока она нервно размышляла, Коллинз подтащил ее к кабинету и вставил ключ в замок. Сейчас он откроет дверь и...

Спасение пришло неожиданно в виде стремительного вихря, врезавшегося им в ноги. Коллинз закатил глаза от удара, пришедшегося в пикантное место, и взвизгнул от боли.

Вихрем оказалась Лаки, стремглав бежавшая по коридору. Не рассчитав скорость, она врезалась прямо в них, при этом вся ее инерция досталась Коллинзу.

Тот резко оттолкнул от себя девочку и заорал:

— Куда несешься, идиотка? Не видишь, люди стоят! Мозгов совсем кот наплакал?

Не обращая внимания на его вопли, Лаки быстро затарахтела, глотая слова:

— Мисс Уиллис, побежали скорее, там Мариоке плохо! Она случайно проглотила монетку, мы с ней поспорили, а теперь задыхается... и если умрет...

Она тяжело дышала и была такая взволнованная, что воспитательница не на шутку испугалась.

— Извините, мистер Коллинз, — коротко бросила Джулия, схватила девочку за руку и помчалась с ней на второй этаж.

Декан посмотрел им в след и злобно нахмурился. Ничего, птичка, не попала сегодня в мою клетку — попадешь завтра. И девочку следует проучить. А она лакомый кусочек, прямо сладкая конфетка. Пожалуй, с нее он и начнет, воспитательница никуда не денется. Все они сначала ломаются и строят недотрог, а потом становятся шелковыми. Боль отпустила и приходя в хорошее настроение, он вошел в кабинет и начал обдумывать план действий в отношении девочки.

Они бегом спустились с третьего этажа и бежали по второму, как вдруг девочка резко затормозила и потащила воспитательницу в комнату для рукоделия, обычно пустовавшую в это время.

Затолкнув Джулию в комнату, Лаки спокойным голосом, словно не она так отчаянно рвалась спасти подругу, сказала:

— С Рикой все в порядке. Мы просто побоялись оставить вас наедине с Коллинзом. От этой сволочи добра не жди.

— Девочка моя, ты спасла меня. Я уже не знала, как от него избавиться, — со слезами благодарности воспитательница обняла ученицу и растроганно поцеловала. — Какая же ты сообразительная! Но, как вы с Мариокой узнали об этом?

— Не с ней, а с мистером Смитом. Он рассказал о грозящей вам опасности и попросил меня срочно вас вызвать.

— С мистером Смитом? — удивленно протянула Джулия и с явной обидой спросила: — Почему же он сам не защитил меня, а подослал тебя? Не захотел портить отношения с начальством? — разочарованно усмехнулась она. — Я думала, что нравлюсь ему, а он даже не посмотрел в мою сторону, заметив Коллинза. Или мистер Смит не хочет, чтобы кто-то заподозрил о нашей симпатии, ведь руководство не поощряет личные отношения между сотрудниками?

Она с надеждой посмотрела на девочку, а потом со вздохом возразила сама себе:

— Впрочем, я все придумала, нет никакой симпатии.

— Мисс Уиллис, Коллинз хорошо знает о моем отношении к вам. Я испугался, как бы ему в голову не пришла нелепая мысль, что и вы можете мне симпатизировать, — раздался с порога теплый голос Смита.

— И почему такая мысль нелепая? Вы считаете, я недостойна проявить расположение к вам и к кому-либо еще? — вспыхнула от негодования Джулия. — Или для этого надо попросить разрешения у декана Коллинза?

— Мисс Уиллис, вы удивительная девушка и заслуживаете самого лучшего в жизни. Это я недостойн разговаривать с вами помимо вопросов, касающихся учеников. И вам не следует портить репутацию проявлением дружеского участия ко мне, как к коллеге.

Голос воспитателя был грустным, взгляд бесконечно печальным, и девушка разозлилась на него уже по-настоящему за непонятные отговорки.

— Мистер Смит, к чему эти китайские церемонии? Достойн — недостойн. Посчитали, что не надо вмешиваться, ну и ладно, — она сердито отвернулась, чтобы не показывать предательски дрожавшие губы. — Никто ведь не считает, что вы обязаны...

— Джулия, пожалуйста, не думайте так, — впервые обратился к ней по имени Смит. — Если бы я вмешался, то Коллинз посчитал бы, что я имею на это право, и перестал бы с вами церемониться. В его глазах вы стали бы падшей женщиной, которая должна выполнять все его мерзкие требования, либо быть с позором изгнана из Дармунда.

— Не думала, что несколько слов, сказанных в защиту достоинства женщины, сразу делают ее падшей, — с едкой иронией ответила девушка, а про себя подумала: «Все вы одинаковые, и не хотите из-за глупой женской гордости портить отношения с теми, от кого зависите».

Она с горечью вспомнила парня, с которым прожила два года. Тот уговаривал ее быть любезной с его начальником, заверяя, что это поможет ему получить новую должность, а значит, и повысить достаток их совместной жизни.

Джулия ушла от него без малейшего колебания, даже не задумываясь о том, что останется без средств существования, ведь все накопления, доставшиеся после смерти родителей, были вложены в провальные проекты ее бой-френда. Она стала жить с бабушкой, которая через приятельницу смогла устроить ее воспитательницей в Дармунд. Жалование было скромным, но на жизнь хватало.

А сейчас она опять увидела, как мужчина оценил должность выше достоинства. Причем мужчина, который так ей нравился.

— Похоже, вы не понимаете, о чем я веду речь, — сухо произнес Смит и второй раз за этот день, но уже сознательно, закатил рукав рубашки.

Он повернул руку, чтобы Джулия хорошо рассмотрела татуировку и увидев, как в ее глазах недоумение сменилось откровенным ужасом, с холодной усмешкой закончил их разговор:

— Больше нет вопросов, не так ли? Мое почтение, мисс Уиллис, хотя вряд ли теперь оно имеет для вас значение.

Джед развернулся и быстро вышел из комнаты, боясь показать девушке своей мечты разочарование, стыд и боль, наполнявшие его.

Джулия никак не могла отойти от его слов и растерянно окинув взглядом комнату, увидела сидевшую в углу девочку, ставшую невольным свидетелем разговора взрослых, не заметивших ее в пылу спора.

— Как же так, Лаки? — растерянно спросила воспитательница, отказываясь понимать происходящее. — Мистер Смит, он был таким..., а оказывается, он... — ей не хватало слов выразить обуревавшие ее чувства, и она с трудом выдавила из себя, — незаконнорожденный? И эта ужасная татуировка, зачем она у него?

— Теперь он не такой умный и красивый, как сразу казалось? — иронично спросила девочка, усмехаясь прямо в лицо своей воспитательницы. — Хорошо хоть ума хватило ума не скомпрометировать вас и не вмешиваться в разговор с мистером Коллинзом.

Лаки громко хмыкнула и с той же улыбкой, насмешливой и разочарованной одновременно, продолжила добивать Джулию:

— Вас не успели предупредить, что я тоже незаконнорожденная? Господин Бирн, наверное, сказал, что я сирота? Он так представил меня и маме Мариоки, иначе она сразу запретила бы дочери общаться со мной. Сирота звучит намного благородней, чем ублюдок, но вы должны знать правду — я не знаю, кто мои родители. Пять лет назад мне тоже хотели сделать такую татуировку, но у них не получилось, а мистер Смит живет с ней с семилетнего возраста.

— Они сделали татуировку семилетнему ребенку? — с недоверчивым ужасом переспросила Джулия. — Кто — они, Лаки?

— «Истинные друиды», указывающему такому быдлу, как мы, его место в Дармунде, — девочка с вызовом посмотрела на нее. — У всех окружающих такие наколки вызывают отвращение. А таким, как я, они служат доказательством, что у этого человека есть чувство собственного достоинства. Он не стал продавать душу и пытаться заслужить прощение уже за одно свое существование. Нам не за что, и не у кого просить прощения, ведь мы, как и вы, не просили нас рожать. Мы такие же люди, как все, хоть нас и считают прокаженными.

Девочка с гордо запрокинутой головой бросала в лицо своей воспитательницы жестокие, но правдивые слова, а та, нервно сжимая руки и чуть не плача, пыталась переубедить ее:

— Ну, что ты говоришь? Никто так не считает.

— Я говорю правду.

Она почти уже успокоилась, хотя реакция мисс Уиллис сначала очень огорчила, а затем рассердила ее. Но немного поразмыслив, Лаки поняла, что это была обычная реакция, такая же, как и у всех. Просто было обидно, ведь она считала мисс Уиллис необычной. Настолько необычной, что способной понять и принять. Но, увы, жизнь — не сказка, да и в сказки Лаки давно перестала верить. Так давно, что и не помнит этого радостного чувства надежды и веры в чудо.

— Мы незаразные, но с нами лучше не общаться, — уже без всякой обиды сказала девочка. — Обещаю, что никаких проблем больше не будет. Завтра я пойду на занятия и присматривать за мной, как приказал господин Бирн, вам не придется. Все будет хорошо, мисс Уиллис.

Лаки ободряюще улыбнулась своей донельзя расстроенной воспитательнице и выскользнула из комнаты.

Глава 4

Джулия никак не могла забыть слова Лаки, вновь и вновь прокручивая их в голове. Когда она сама училась в Школе Бардов, у них на курсе было несколько девочек, к которым относились свысока и шепотом намекали, что те незаконнорожденные. Открыто говорить об этом считалось неприличным, и воспитатели подчеркнуто старались относиться к ним, как ко всем остальным. Хотя именно такое отношение делало девочек ущемленными и даже убогими, подчеркивая, что с ними общаются только из чувства профессионального долга. Джулия никогда не задумывалась над жизнью тех девочек, и за все время учебы практически не общалась с ними. Она даже толком не помнила их лиц, те держались особняком. На занятиях их редко спрашивали и до поступления в Школу Друидов никто из них не дошел. Все считали их ненужным балластом, и не понимали, зачем их столько лет обучать в Дармунде.

Но Лаки ведь совсем другая, она просто не может быть... Джулия даже про себя не могла назвать эту чудесную девочку грязным словом «ублюдок». Ей так нравится общаться с ней. Вернее, нравилось. После того разговора Лаки не допускала никакого общения, кроме вежливых, дежурных фраз.

Девушка жалела об утраченной доверии девочки и очень хотела завоевать его вновь. Ей было все равно, кем считают Лаки узколобые борцы за чистоту друидской крови. Невероятно красивая и еще более, невероятно смелая и умная девочка была настоящим чудом. Она общалась с ней на равных, иногда Джулии даже казалось, что они ровесницы, ведь в некоторых вопросах девочка разбиралась лучше нее, хоть и была младше на десять лет. С ней было так легко и свободно, как с лучшей подругой.

Она не хотела терять такую дружбу и решила, во что бы ни стало, вернуть расположение Лаки. А еще ей хотелось защитить ее. Теперь, когда у нее на многое открылись глаза, Джулия стала замечать предвзятое отношение преподавателей к девочке. Они постоянно старались ставить наглую девчонку на место. А ее наглость, по их мнению, заключалась в том, что на уроках она смеет еще и отвечать лучше всех, нет, чтобы сидеть тихонько и не привлекать к себе внимания, как делают все девчонки ее положения.

Особенно возмущалась мисс Адамс, очень недовольная реакцией на ее донос. Она ведь рассчитывала, что Макбрайд отошлет девчонку вместе с мерзавцем О'Хара в приют, или хотя бы высечет ее так, как и его. Через неделю после возобновления Лаки посещений ее занятий, мисс Адамс, кипя от негодования, влетела в малый зал для заседаний, где в тот момент присутствовала большая часть преподавателей, собравшихся по приказу Макбрайда.

— Это возмутительно! Негодяйка Альварес сорвала мой урок! — словно торговка, брызжа слюной, кричала утонченная преподавательница по зельеварению. — Я требую немедленного выгнать ее из Дармунда! Совсем уже обнаглела. Забыла, что ей надо сидеть, как мышке, и молчать, как рыбке, а не раскрывать свой рот. В наше время таких, как она, быстро учили молчать в кулачок! Проклятые ублюдки совсем страх потеряли!

— Каких таких? И что значит — учили? — не вытерпела Джулия и с вызовом посмотрела на высокомерную и чванливую мисс Адамс. — Делали мерзкие надписи на руках? А кто имеет право определять чистоту их крови? Вы? — Девушка смерила презрительным взглядом разъяренную преподавательницу и отчеканила: — Чистота крови подтверждается только магической силой, а не родственными связями.

— О, да у нас появились защитники этого плебса, — скривила губы в издевательской насмешке мисс Адамс. — Смотрите, не ошибитесь в симпатиях, милочка. А то быстро окажетесь на дне Дармунда, если будете так небрежно относиться к происхождению.

— Не надо мне указывать, мисс Адамс, — смело ответила Джулия. — А тем более угрожать.

— Не смей говорить со мной в таком тоне, ничтожество! — взвилась преподавательница. — Вылетишь отсюда вслед за Альварес, а может, и раньше ее!

— Не знал, мисс Адамс, что Совет поручил вам решать кадровые вопросы, — раздался спокойный голос Макбрайда, только что переступившего порог зала для заседаний.

— Ну что вы, господин Бирн, конечно, это не моя прерогатива, — сразу залебезила мисс Адамс. — Я просто сделала мисс Уиллис небольшое замечание о заблуждениях, с которыми надо бороться, если она хочет работать вместе с нами, — преподавательница выразительно посмотрела на Джулию и насмешливо усмехнулась.

— Мисс Адамс, я хочу знать суть конфликта, — произнес Бирн, усаживаясь в свое кресло, и сухо уточнил: — Вашего конфликта с Альварес. С мисс Уиллис я уже все понял, мы поговорим об этом позднее.

— Альварес сорвала урок! — вновь начала заводиться мисс Адамс. — Сначала демонстративно смотрела в окно, а когда я спросила, что ее там так заинтересовало больше нашего урока, эта мерзавка, — и заметив недовольный взгляд Макбрайда, она быстро поправила: — эта юная леди нагло заявила, что мой урок ей уж точно неинтересен. Тогда я сказала, что если она такая умная, то пусть вместо меня читает лекцию по зельеварению, а Альварес с ухмылкой ответила: «Ну, если вы настаиваете» и вышла к доске. Она перечеркнула мои записи, заявив, что в них имеются неточности и написала новые рецепты. Да, помилуйте, кто в наше время сам варит зелья от простуды и головной боли, если их можно купить в аптеке? Все отлично понимают, что мой предмет изучается для сохранения традиций, а не для практического применения.

Преподавательница действительно не понимала, зачем изучать старинные рецепты, и относилась к своему предмету несерьезно, пробубнила лекцию, да и ладно.

— Просто возмутительно, что эта выскочка посмела указать на небольшие неточности при семидесяти учениках!

— Конечно, ваши уроки не интересны для Лаки Альварес, — скептически заметил профессор Броуди, преподававший учение о магических заклинаниях. — В отличие от вас, такого уважаемого преподавателя, девочка не считает зельеварение устаревшей наукой и применяет свои знания в жизни. Например, улучшила так презируемое вами зелье от простуды. Теперь у него нет горького привкуса. Я с удовольствием принимаю его и даю своим детям.

— Вы пьете сами и даете детям? — с неподдельным ужасом переспросила мисс Адамс. — А вдруг в роду этой подзаборной девчонки были ведьмаки или мафары, и она специально варит ядовитые зелья?

— Да уж не ядовитей ваших. Я прочитал в тетради сына ваши рецептики. Вы же валериану от календулы отличить не можете, — снисходительно усмехнулся профессор. — И кто поручится, что в вашем роду не было мафаров? Вампиры точно были, судя по тому, как вы любите «пить кровь» учеников.

Лицо преподавательницы покрылось красными пятнами, и она завизжала со всей мочи:

— Как вы смеете обвинять меня в вампиризме! Хорошо сидеть здесь и умничать! Да вы сами не знаете свои заклинания! А вот начнете читать лекции этой всезнайке Альварес, опозорит она вас при всех, тогда и вспомните мои слова, что таких умников взашей надо гнать из Дармунда!

— А я уже полгода занимаюсь с Лаки, — насмешливо посмотрел на нее Броуди. — Она посещает не только мои лекции для десятого мужского курса, но и практические занятия. И знаете, как это подстегивает меня и моих учеников? — он уже откровенно смеялся прямо в лицо разъяренной мисс Адамс. — Девчонка любит задать каверзный вопрос преподавателю, а с парнями сразиться на дуэли. Мои ребята теперь намного быстрее усваивают материал. Стыдно, знаете ли, уступать тринадцатилетней девчонке, вот они и стараются не упасть лицом в грязь.

— Вы позволили этой безродной дряни получать тайные знания? — с негодованием воскликнула мисс Адамс. — Да как вы посмели... без особого разрешения, без согласования, без...

— Вашего высочайшего соизволения? — съязвил Броуди. — Наверное потому, что все было согласовано и разрешено людьми, круче вас. Правильно сказала мисс Уиллис — чистота крови друида определяется магической силой. И судя по этому критерию, девочка — наследница благородного старинного рода, неважно, чью фамилию она носит. Не вам разглагольствовать о ее происхождении, заботьтесь лучше о своем.

Мисс Адамс не ожидала столь резкого отпора от профессора Броуди — друида в сороковом поколении. Это было уже серьезней, чем препирательство с жалкой мисс Уиллис. Она растерянно окинула взглядом коллег, рассчитывая на поддержку, но никто не захотел ввязываться в ее перепалку с уважаемым всеми профессором.

Поддержка пришла от декана Школы Оватов мистера Коллинза, который решил воспользоваться ситуацией в своих интересах. Он с легкой улыбкой обратился к обоим спорившим:

— Давайте не будем горячиться, коллеги. Мисс Адамс не хотела никого обидеть. Она лишь посетовала, что девочка слегка невыдержанная в силу отсутствия родительского воспитания. Но это все поправимо. Я лично займусь Альварес и проверю уровень ее знаний. Возможно, она и правда сильная ученица, тогда я буду обучать ее индивидуально на более высоком уровне. Ну, заодно и манеры улучшим.

— Лаки Альварес — ученица Школы Бардов. Вы не имеете права проверять уровень ее знаний. Это неэтично и неприлично, — раздался четкий и резкий голос профессора Галлахар — декана женского факультета Школы Друидов. — И чему вы научите девочку? — с явным сарказмом поинтересовалась она. — Уровень ее знаний выше, чем у вас. Лаки уже готова к переходу в Школу Друидов, и через год я лично буду ходатайствовать о зачислении ее на мой факультет.

— Да кто вам дал право оценивать уровень моих знаний, а тем более сравнивать его с уровнем какой-то ученицы? — мгновенно окрысился Коллинз на женщину. — Что вы с Броуди дифирамбы ей поете, выставяя прямо потерянной принцессой? Может, это кто-то из ваших родичей сотворил сей плод любви? Так честно и скажите, без всяких намеков и экивоков, а не обвиняйте в нарушении приличий и этических норм. В вашем преклонном возрасте, профессор Галлахар, должно быть стыдно, оценивать мой благородный порыв в подобном контексте!

Последняя фраза была уже явным хамством. Ухоженная пятидесятилетняя женщина выглядела лишь немногим старше тридцатичетырехлетнего Коллинза, разгульный образ жизни которого уже начал сказываться на внешности.

— Хорошо, что вы помните мой возраст, Коллинз. Значит, не забыли, что сдавали у меня экзамены по пятому кругу. Я вполне могу судить о ваших знаниях, как и о манерах, которые напрочь отсутствуют.

— Не смейте говорить со мной в таком тоне! Вы такой же декан, как и я! И зря считаете, что я не стану связываться с выжившей из ума климактеричкой! Так что придержите свой язык! Мне достаточно сделать один звонок, и завтра духа вашего здесь не будет!

— Прячетесь за чужие яйца, Коллинз? — насмешливо поинтересовалась ничуть не испуганная женщина. — Свои не выросли?

В зале раздался одобрительные смешки преподавателей и даже негромкие аплодисменты. Декан злобным взглядом окинул зал, цепко выхватывая лица насмешников, чтобы потом припомнить им столь неслыханную дерзость.

А профессор Галлахар продолжила все тем же спокойным голосом:

— Мне достаточно сделать один звонок, и через час у вас не будет даже этого жалкого подобия.

Макбрайд был готов аплодировать ей стоя, но вслух, еле сдерживая улыбку, посоветовал доверительным голосом:

— Лучше извиниться, Коллинз. У мистера Галлахара за жену напрочь сносит крышу. И свой звонок другу вы вполне можете сделать, говоря фальцетом. Шестьдесят лет для ловца, знаете ли, еще не возраст.

Коллинз реально испугался. Макбрайд в свои семьдесят с лишним лет мог еще любому дать прикурить, а Галлахар, действительно, был известен своей вспыльчивостью. И тогда сквозь зубы он процедил:

— Приношу извинения, профессор. Мы в самом деле зря горячимся и тратим драгоценное время на какую-то девчонку, — голос Коллинза зазвучал уверенней: — Господин Бирн, объясните наконец, зачем нас собрали здесь? Через час у меня важная встреча.

Макбрайд хотел откровенно поговорить с преподавателями о детях, находившихся под опекой Дармунда — сиротах и незаконнорожденных. Убедить относиться к ним без предубеждений и дать возможность дойти до Школы Друидов, до которой из таких детей доходили единицы, подобно Смиту. Однако спор, разгоревшийся из-за Лаки, показал бесполезность такого разговора. Ведь уговоры, а тем более, приказы не изменят враждебного отношения к несчастным детям, лишь сделают его более явным. Против них начнут настоящую войну, чтобы доказать, что такие дети — никчемны, и никакие знания невозможно вбить в их тупые головы, ведь отсутствие породы ничем не заменишь. И доказать в первую очередь самому Макбрайду, дерзнувшему нарушить вековое отношение к ублюдкам.

Бирн заметил, что с Адамс и Коллинзом была согласна большая часть собравшихся. Разговор зашел только об одной хорошенькой и умненькой Лаки, и сразу вызвал бурные эмоции, расколовшие преподавателей на два лагеря. Что тогда говорить о таких, как О'Хара, черных и облезлых? Они явно не заслужат хороших слов даже от тех, кто защищал Лаки.

И тогда он быстро изменил первоначальную причину экстренного сбора и озвучил первое, что пришло в голову:

— Я тут поразмыслил на досуге, — непривычно добродушно начал он, придумывая на ходу, что сказать дальше, — мы встречаемся с вами только по каким-то делам, а почему бы нам в неформальной обстановке не устроить пикник с барбекю?

Лица преподавателей недоуменно вытянулись. Они ожидали от строгого Макбрайда чего угодно — порицания, выговоров, детальной критики методов их преподавания, но только не предложения о пикнике.

— Помню в молодости мы собирались с друзьями после Бельтайна и отмечали приход весны. Веселились, ну и выпивали, конечно.

Бирн посмотрел на удивленных преподавателей и неожиданно подмигнул им, вводя в ступор столь панибратским жестом.

— Так что, гульнем на первое мая? Выпивка и еда будут за счет заведения.

Все оживленно зашумели. Никто не припоминал, чтобы в Дармунде устраивали «корпоративные» пикники.

— Значит договорились. У вас есть почти месяц на подготовку. Придумайте какой-нибудь сценарий, чтобы было веселей. Главным назначается профессор Броуди. За неделю до праздника все мне и расскажете.

Броуди с готовностью кивнул. Он любил и умел веселиться, и с удовольствием возьмется за такое дело.

— Ну вот собственно говоря, и все на сегодня. Все свободны.

— Погодите, вы не решили проблему с Альварес, — высокомерно напомнила мисс Адамс. — Нельзя оставлять все, как есть. С девчонкой надо что-то делать.

Преподаватели, уже поднявшиеся с мест, со вздохом опустились в кресла. Собрание закончилось на такой чудесной ноте, а неугомонная мисс Адамс снова вынуждает их слушать перебранку из-за ученицы.

— А насчет Альварес я уже решил, мисс Адамс, — с легкой улыбкой произнес Макбрайд. — Она не будет больше посещать ваши занятия, — он продолжал улыбаться, но его голос становился все холоднее. — Ей там нечего делать. Как, впрочем, и на уроках мисс Фул.

Мисс Фул вела уроки зельеварения на старших курсах в Школе Бардов, и была не на много умнее мисс Адамс, но более безобидной.

— Ученица Альварес будет заниматься курсом зельеварения с мисс Уиллис, — и глядя на стиснутые губы мисс Адамс и кривую ухмылку Коллинза, Бирн строго сказал: — Мисс Уиллис — воспитательница девочки, и такие занятия не нарушат ни этические, ни моральные нормы. А вам, мисс Адамс, дается месяц для приведения рецептов в порядок. Господин Катэйр очень трепетно относится к зельеварению и не считает эту науку ненужной и устаревшей. Поэтому он лично посетит ваши занятия. Заодно выяснит, что там за микстуру придумала Альварес и можно ли ее употреблять.

— По моей просьбе господин Катэйр уже изучил новый рецепт зелья от простуды и высоко оценил его, — сразу отозвался Броуди. — Еще удивлялся, почему никому раньше не пришло в голову добавить одну травку, растущую, как сорняк, а потом утвердил «микстуру Альварес» для изготовления в нашей аптеке. Так что всем ее рекомендую — излечивает от простуды за два приема.

— Ну и славно, — подытожил Бирн и повернулся к мисс Адамс. — Видите, все утряслось.

— Это возмутительно! Вместо того, чтобы наказать девчонку, вы решили через месяц устроить экзамен для меня!

— Я могу прямо сейчас пригласить господина Катэйра, — ледяным голосом предложил Макбрайд.

— Нет, вы сказали через месяц, — быстро возразила мисс Адамс и гордо подняв голову, поспешно вышла из зала. Таким же быстрым шагом за ней последовал Коллинз, а за ним покинули зал и все остальные, весело обсуждая предстоящий праздник.

— Броуди, задержитесь, пожалуйста, — негромко попросил Бирн.

Профессор с готовностью подошел к столу, за которым восседал Макбрайд, ожидая получить дополнительные указания насчет праздника, но речь пошла вовсе не о нем. Подождав, пока за последним преподавателем закрылась дверь, Бирн обратился к Броуди совсем по другому вопросу.

— Я хочу поговорить с вами об О'Хара. Он посещает ваши занятия по магическим заклинаниям, или не допущен к ним?

Профессор слышал о расправе Макбрайда над парнем и теперь не знал, что ответить, чтобы не вызвать его гнев. Но подумав, решил не скрывать правду.

— О'Хара допущен к моим занятиям, сэр, так как прошел второй уровень подготовки и справляется с заданиями не хуже всех. Я не разделяю точку зрения некоторых коллег и не считаю, что незаконнорожденного надо игнорировать и ничему не обучать, — с вызовом произнес Броуди. — На моих уроках все дети равны в получении знаний. Мальчик не виноват ни в гибели отца, ни в легкомыслии матери, бросившей сына на произвол судьбы.

— Вы знали его родителей? — быстро ухватился за его слова Макбрайд. Именно на это он рассчитывал, помня, что Броуди дружил с Кэмпбеллом в школьные годы. — И с уверенностью сможете подтвердить это, если возникнут некие обстоятельства?

Увидев непонимающий взгляд профессора, он нехотя пояснил:

— Я немного перегнул палку в одной ситуации, а потом поговорил кое с кем, и узнал, что парень был невиноват. Да и не такой он уж законченный негодяй, как представляют его некоторые.

— О'Хара нормальный парень, — уверенно произнес Броуди и негодуя возмутился: — Это некоторые ученики не совсем нормальные, да и преподаватели тоже. Делят детей на касты и устраивают травлю, забывая, что мы не в Индии, и не в Америке 50-х годов. А эти уродливые татуировки — уже настоящий садизм. Узнал бы, кто тут такое рисует — сам бы ему руки поотбивал, а еще лучше на лбу написал бы — сволочь и подонок. А какие обстоятельства вы имели в виду?

— Да вот узнал, что он сын Кэмпбелла, и сразу мерзко стало на душе, что я с ним так обошелся, — нехотя признался Макбрайд. — И еще эти наколки. Сам руки поотбивал бы уродам, делающим их. Знать бы только этих любителей тату. Никто ведь не скажет, кто над ним так поиздевался, — задумчиво потер подбородок Бирн. — А парню хочется помочь, только пока не знаю, как. На вас можно рассчитывать, если дело дойдет до рассмотрения его права на фамилию отца? Вы подтвердите, что он сын Мерфи Кэмпбелла?

— Да, — твердо ответил Броуди. — Мерфи был моим другом, и я давно бы выступил свидетелем, что Дойл его сын, если бы мамаша удосужилась подать об этом прошение. Она ведь родила только потому, что Кэмпбелл не позволил сделать аборт, да и привязать его хотела на всю жизнь. А когда он погиб, ребенок уже не вписывался в ее планы. Она спихнула его сначала к своей полоумной бабке, а в пять лет сюда, и забыла о нем навсегда, — грустно сказал профессор. — И живет теперь парень, как былинка в поле — никому не нужный, никому не верящий, и никому ничего не должный. Он первый в Дармунде, кто не прячет свои наколки. Наоборот, показывает всем, что терять ему нечего, и пусть лучше никто его не трогает. Знал бы Мерфи, как все обернется, то сам отговорил бы подружку рожать, чтобы никто не унижал его сына и не учил уму-разуму, — он осуждающе поджал губы, глядя прямо в лицо Макбрайду.

— Хватит сверлить меня глазами, — сердито буркнул Бирн, недовольно отводя взгляд. — Сказал же, самому тошно, что не разобрался и избил парня из-за этой врушки Адамс. Она взъелась на него за что-то и наговорила кучу гадостей. Теперь-то известна цена ее словам. Судя по сегодняшним воплям, так Лаки даже убить мало. Кстати, а он точно к Лаки не подкатывает?

Профессор, не колеблясь, отрицательно покачал головой, а про себя подумал: «Скажи тебе, что Дойл только и общается с твоей „куколкой“, так ты сразу его убьешь».

Ему очень нравилась эта умная и красивая девочка, но он четко понимал, что у нее нет шансов занять достойное место в их обществе без покровителя. И похоже, он уже нашелся. Макбрайд явно проявлял интерес к юной красотке. Ничего не поделаешь, такова жизнь. Кто-то обязательно захочет сделать девочку своей собственностью. И пусть лучше она станет «куколкой» всемогущего Макбрайда, чем превратится в игрушку такого мерзавца, как Коллинз. Будучи «подопечной» члена Совета девочка имеет защиту и хоть какую-то гарантию на беспеченное будущее.

Было безумно жаль и Дойла, и Лаки, но Броуди ничего не мог для них сделать, кроме одного — делиться своими знаниями и надеяться, что эти знания помогут им выжить в столь безжалостном для них мире.

Глава 5

— Лаки, господин Бирн отменил твои посещения уроков мисс Адамс и поручил мне заниматься с тобой по ее предмету, — торопливо произнесла Джулия, догнав быстро идущую по коридору девочку. — Нам надо составить график занятий. И если у тебя нет срочных дел, давай займемся этим прямо сейчас.

Девушка заискивающе улыбнулась своей ученице, смотревшей на нее внимательным недетским взглядом.

— У меня нет никаких дел, мисс Уиллис.

Джулия облегченно вздохнула и сразу предложила:

— Тогда поговорим в моей комнате. Заодно и выпьем по чашечке чаю.

Ей хотелось порадовать свою воспитанницу, и на столе кроме чая было много разных вкусовностей. Но заметив напряженное выражение на лице девочки, она смутилась, подумав, что ее искреннее желание может выглядеть обычным подкупом.

Лаки незаметно глотнула слюну. Она пропустила обед по вине мистера Финча, заманившего ее в свой кабинет для своих мерзких деяний. А сейчас оказалось, что и мисс Уиллис от нее чего-то хочет, судя по такому королевскому угощению.

«Ну и день сегодня неудачный. Если и мисс Уиллис сейчас потребует нечто этакое, как хотел мистер Финч, то я уже не выдержу. Неужели совсем никому нельзя верить?» — с тоской подумала она.

А Джулия, словно услышала ее невеселые мысли, торопливо предложила:

— Давай отметим с тобой день рождения моей бабушки. Ей исполнилось семьдесят три года, и кроме меня у нее никого нет. К сожалению, я не могу сегодня быть рядом с ней, придется ждать до воскресенья. Но я пообещала, что обязательно приеду с гостьей, чтобы это был настоящий праздник. Она обрадовалась и сказала, что будет с нетерпением нас ждать.

Девушка с надеждой посмотрела на девочку и произнесла с робкой улыбкой:

— Я хочу поехать к ней с тобой, Лаки. Прости, пожалуйста, если чем-то тебя обидела. Я не хотела этого, как и не хотела обидеть мистера Смита. Мне до сих пор стыдно, что я наговорила ему кучу несправедливых слов, — невольные слезы блеснули в ее голубых глазах, и она грустно призналась: — Я ведь была влюблена в него в семнадцать лет, но он казался таким далеким и неприступным. Вскоре за мной начал ухаживать Том, и постепенно я привязалась к нему. Мы стали жить вместе, но иногда я вспоминала мою школьную любовь.

Безрадостными ночами, когда Том отворачивался и мгновенно засыпал после быстрых занятий любовью, Джулия часто представляла, как все могло быть с Джедом, который так и остался в ее мечтах.

— Устроившись на работу, я с удивлением узнала, что мистер Смит тоже работает в Дармунде. Мне показалось, что он обратил на меня внимание. Я начала строить какие-то планы...

Ее застывший взгляд устремился вдаль. Она надолго замолчала, а затем глубоко вздохнула.

— Та неприятная сцена все изменила. Ты открыла мне глаза, Лаки, и я увидела другую сторону жизни, о которой даже не подозревала.

Джулия взволнованно смотрела в бирюзовые глаза девочки, изо всех сил стараясь убедить ее в своей искренности.

— Пожалуйста, давай общаться, как прежде, — жалобно попросила она. — Мне так не хватает твоей дружбы.

Девочка внимательно, не перебивая, выслушала ее сбивчивые оправдания, а затем улыбнулась такой светлой улыбкой, что у Джулии сразу стало легко на сердце.

— Я с удовольствием съем пирожное за здоровье вашей бабушки, мисс Уиллис, а в воскресенье, если отпустят, поеду с вами к ней в гости.

— Моя ты золотая девочка, — Джулия порывисто обняла ее и подвела к столу. — Давай сначала поедим, как следует, а потом выпьем чаю с пирожными. Я такая голодная после собрания, что готова съесть быка. И, пожалуйста, называй меня по имени и обращай на «ты».

— Хорошо, Джулия, — легко согласилась девочка, усаживаясь за стол и принимая тарелку, до краев наполненную вкусной едой. — Расскажи, почему вдруг господин Бирн решил избавить меня от мисс Адамс? Жаль, что такая хорошая мысль раньше не пришла ему в голову.

— Эту мысль ему подсказала сама мисс Адамс, — засмеялась девушка и опуская детали оскорбительных разборок, передала разговор, состоявшийся между преподавательницей зельеварения и Макбрайдом.

— Сейчас мы все обсудим и быстро набросаем план занятий, — весело предложила Джулия.

Но Лаки видела, что оживленным и беззаботным тоном она старательно маскировала печальные мысли о Смите, и через несколько минут делового обсуждения твердо заявила:

— Он сам не подойдет к тебе. Для него ты такая же недостижимая, как и шесть лет назад. Тем более теперь, когда ты все о нем знаешь

Джулия не стала делать вид, что не понимает, о чем говорит девочка. Лишь в очередной раз удивилась ее умению читать мысли и безысходно подумала: «Да их и читать не надо. Они кричат во все горло от отчаяния».

— Как же быть, Лаки?

Конечно, она не рассчитывала получить ответ пусть и от очень умного, но все-таки ребенка. Она взрослый человек, и то не знает, как убедить Джеда встретиться и поговорить. Он усиленно избегал ее, боясь испортить ей не только репутацию, но и дальнейшую жизнь в Дармунде.

Столкнувшись с воинствующей ненавистью мисс Адамс, Джулия воочию убедилась в негативном отношении общества к «ублюдкам». Ее поддержали всего два преподавателя, остальные отмолчались, но в большинстве своем они были согласны с мисс Адамс. Речь шла о славной и умненькой девочке, но сколько ненависти, буквально всей своей кожей, почувствовала Джулия. Ненависти не только к выскочке Альварес, но и к ней самой, посмеившей защищать «ублюдка».

Девушке ясно дали понять, что ей быстро «вправят мозги», посмей она и дальше защищать безродную девчонку. А что будет, если она решится открыто объявить о своих чувствах к Джеду? Ее предадут всеобщему общественному порицанию. С работой в Дармунде можно распрощаться навсегда, да и с кланом тоже. Бабушку это просто убьет. Впрочем, Джулия и сама не мыслила жизнь вне клана.

Лаки положила ладонь на руку воспитательницы, переплела ее пальцы со своими и тихо сказала:

— Вы сможете быть вместе. Возможно, даже навсегда. Если только осмелишься все сделать сама. Надо попытаться убедить его в твоей любви.

— Но как мне это сделать? — почти простонала Джулия. — Он не хочет встречаться даже взглядом, не то, чтобы заговорить. И как улучшить момент, чтобы остаться наедине? Не признаваться же в любви по телефону? Хотя и по телефону он может отказаться разговаривать со мной. Но даже если согласится встретиться, то где? На школьном дворе во время прогулки учеников? Я же не могу открыто прийти к нему в комнату или пригласить к себе, меня сразу уволят за аморальное поведение.

— Когда решишься, я найду место для разговора, — пообещала девочка ошарашенной воспитательнице. — Не шикарное, конечно, но такое, где вам никто не помешает все выяснить

между собой, — и без всякого смущения уточнила: — Ну, как обычно, вы взрослые решаете любовные проблемы.

Джулия вспыхнула от такой откровенности, но не стала лицемерно выговаривать, а заинтересованно спросила:

— У нас в Дармунде есть такие места? Но как завлечь его туда, и когда?

У девушки загорелись глаза в предвкушении. Она совсем забыла, что обсуждает столь деликатные вопросы не с ровесницей, а с тринадцатилетней девочкой.

Видя нетерпеливое возбуждение своей воспитательницы, Лаки улыбнулась:

— Послезавтра у мистера Смита день рождения. Вот и сделай ему подарок.

Девочка выразительно приподняла брови и лукаво посмотрела на покрасневшую Джулию.

— Я поговорю с друзьями. Они уважают мистера Смита и не откажутся помочь его поздравить. Им можно доверять, не переживай. Только ты уверена, что доставишь ему радость, а не боль? У него и так нелегкая жизнь, не хочется огорчать его еще в день рождения.

— Я приложу все усилия. Ты ведь сказала, что у нас есть шанс на будущее, а я наслышана о твоём даре предвидения.

— Шанс имеется в любом деле, только его не всегда используют, а потом жалеют всю жизнь, — философски заметила Лаки. — Если он поверит в твою любовь и разрешит себе любить тебя, тогда вас никто не разлучит. Главное не задумываться о будущем. Не взвешивать и просчитывать варианты, а просто жить, и маленькими шагами идти вперед к цели. Ты ведь понимаешь, что вы не сможете сразу быть вместе. Поэтому надо радоваться каждой встрече, и быть уверенной, что следующая обязательно состоится, ведь, если любовь настоящая, она всегда найдет путь к счастью.

Джулия смотрела на Лаки и не верила, что это говорит ребенок. Перед ней сидел взрослый человек, намного больше повидавший в жизни.

Джед торопливо шел следом за Шельмой по длинным запутанным коридорам подвала главного учебного корпуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.